



Анна Самойлова, поэт, прозаик, драматург, родилась в г. Пржевальске Киргизской ССР. Окончила Алтайский государственный университет по специальности «теоретическая физика» и Барнаульский педагогический институт по специальности «психолог». Автор двух поэтических сборников, трех сборников рассказов и пяти романов.

Член Союза писателей РФ с 2010 года. С 2020 года руководит Алтайской краевой писательской организацией «Союз писателей России».

**Анна Самойлова**  
**г. Барнаул**

### **Время шувани**

– Я только на минуту отошёл! Понимаете, всего на минуту! – снова и снова повторял невысокий мужчина с пупцом.

Он рассеянно протирал носовым платком потеющую шею и оглядывал толпу зевак, как бы спрашивая: «Как такое могло произойти? И что теперь делать?».

Зеваки сочувственно качали головами и отводили глаза, едва взгляд мужчины цеплялся за них. Люди стояли перед провалом в дорожном покрытии, внезапно образовавшемся несколько минут назад и утащившем в бездну новенький автомобиль. Соседние машины не пострадали, и теперь хозяева как бы между прочим старались побыстрее увести своих «ласточек», «мальчиков», «девочек-красоток» с места происшествия.

А пешеходам терять было нечего, разве что время... Да и кто откажется посочувствовать чужому горю, особенно когда это ничего не стоит?

– Понимаете, она ведь у меня совсем новенькая! – причитал хозяин провалившейся машины. – Я ведь даже кредит не выплатил, ещё полгода платить...

– Да уж!.. Не надо было тут парковаться! – слишком рьяно для искренности посочувствовал высокий мужчина в спортивной кепке.

– Да кто ж думал? – развёл руками пострадавший. – У нас ведь сроду ничего такого... У нас ведь тут нет карстовых пещер под городом. И провалов не случилось... А тут такое... и не достать!

– А ведь в новостях передавали, – вмешалась в разговор тётка с рыбьими хвостами, торчащими из пакета, – что на той неделе был уже подобный случай. Около супермаркета асфальт провалился...

– Да и на центральном проспекте тоже не так давно... – с интересом рассматривая дыру в асфальте, добавил парень в стройотрядовской куртке.

– Точно! – подтвердил высокий в спортивной кепке. – Там ещё авария чуть не произошла. Хорошо, водитель успел затормозить!..

Люди начали вспоминать дорожные происшествия, связанные с провалами в асфальте, а потом и просто дорожные происшествия. И совершенно забыли про пострадавшего. Поэтому никто не обратил внимания, как к нему подошёл лысый тип лет эдак под сорок в чёрном строгом костюме и вкрадчиво произнёс:

– Могу помочь, если хотите.

– Как?! – воскликнул владелец провалившейся машины.

Тип поморщился и тихонько проворчал:

– Вот только кричать не надо! Не выношу шума!

Пострадавший испытующе посмотрел на лысого типа, а потом тяжело вздохнул и уже негромко обречённо произнёс:

– Как вы мне поможетете?

Лысый тип двумя длинными пальцами, которым позавидовал бы любой пианист, артистичным жестом вытащил из кармана визитку и покачал ею перед носом незадачливого автовладельца.

– Могу вернуть вам те минуты, на которые вы отошли, когда ваш автомобиль провалился... И вы сможете припарковать его в другом месте или вообще проехать мимо.

Хозяин провалившейся машины снова протёр потную шею и с надеждой посмотрел на типа в чёрном. И даже немного подался вперёд, но вдруг в его глазах промелькнуло сомнение.

– Это невозможно...

– Здесь невозможно, – улыбнулся одними губами тип в чёрном. – Но возможно в моей лаборатории.

– И где ваша лаборатория? – в голосе хозяина машины прозвучало едва прикрытое неверие.

– Вот адрес, – невозмутимо ответил тип и вложил визитку в руку собеседнику. – Позвоните, как надумаете. Только сильно тянуть не в ваших интересах. Время – деньги!

Тип в чёрном склонил голову и ушёл.

– Что ему от вас нужно было? – тут же спросила подошедшая поближе тётка с рыбой.

– Сказал, что может вернуть время, – растерянно ответил пострадавший.

– Мошенник! – категорично поставила диагноз тётка и посоветовала: – Главное, деньги не отдавайте ему! И пароли от карточек не называйте. А лучше выбросьте эту визитку.

Едва тётка упомянула визитку, как хозяин провалившейся машины быстро сунул её в карман.

\*\*\*

Раздавая визитки, Вирел, несомненно, рисковал. Со временем не шутят, и он знал, что рано или поздно его

ждёт расплата. Одно успокаивало: пока не было принято закона, запрещающего торговлю временем, перед правосудием он был чист. Но Вирел прекрасно понимал, что тому, кто придёт за ним, никакой закон не писан.

Вирел был готов к встрече. Надеялся, что готов...

Сколько он себя помнил, его настоящей страстью было время. Он с детства преклонялся перед безвозвратным течением времени, его однозначностью и абсолютом. А потом узнал, что временем можно управлять в самом прямом смысле – отнимать, изменять, возвращать... Им можно манипулировать.

Покупая или продавая секунды и часы, он не просто давал людям шанс или избавлял их от неприятностей, нет. Вирел, как законченный фетишист, смаковал чужие чувства, эмоции... В тишине своей лаборатории в заброшенном механическом городе, который ржавым островом виднелся с набережной, Вирел погружался в мимолётные поцелуи, южные горячие ночи, размеренные утренние пробежки в парке... Или сжатые, наполненные переживаниями опоздания, яростные размолвки, сокрушительные неудачи...

Однажды ему удалось купить и перепродать целый год времени! Год, потерянный неудачником за сомнениями и неуверенностью в себе. Этот год достался Вирелу с большой скидкой, а вот покупатель не скупился – именно года не хватало учёному, у которого была смертельно больна жена, чтобы завершить свои исследования и найти лекарство от болезни.

Вирел сидел в своей лаборатории, заполненной старинными часами. Большие часы стояли на полу, поменьше – на камине, совсем маленькие – на столе. Все часы показывали одно время, все шли, но... беззвучно.

Первое, что делал Вирел, приобретая новый экспонат в свою коллекцию, – это ремонтировал часы, а потом лишал их голоса. Никакого тебе тиканья, никакого перезвона

ни в четверть часа, ни в половину, ни тем более, когда часы показывали круглое время.

Именно этот факт всегда обескураживал посетителей, выбивал у них почву из-под ног. При этом они не понимали, в чём причина, что их тревожит, и торопились побыстрее заключить сделку – попрощаться со своим временем или, наоборот, приобрести чужое.

Сегодня Вирел раздал много визиток. По опыту он знал, что не все решатся прийти. Только те, кто в отчаянии.

Иногда посетители приходили, спрятавшись под маской досужего любопытства, но Вирел легко вскрывал ракушки человеческих душ. Он быстро выяснял, в чём нуждается человек, и предлагал либо время, либо деньги. Деньги за зря потраченное время, то, которое он купит.

Совершая сделку и потом ожидая, пока песчинки перетекут из одной ёмкости в другую, Вирел рассматривал посетителя и думал: знает ли тот истинную цену времени?

Большинство не знало. Как и сидевший напротив утренний владелец провалившейся машины. Он снова и снова протирал платочком потную шею и суетливо озирался, не осознавая, что именно вызывает у него тревогу.

Единственным звуком, нарушающим тишину, был едва слышный плеск воды. Волны бились о сваи, на которых стоял заброшенный механический город. Ржавые конструкции, остановившиеся транспортёрные ленты, замершие колёса гидроэлектростанции, работавшей от приливов, – всё было мертво и молчаливо. И только лаборатория Вирела жила. Здесь всё блестело, крутилось, качалось... смазано-подогнано...

Беззвучно!

И тем не менее.

Уже больше половины песчинок перетекло в ёмкость покупателя, когда в размеренный шелест волн вплёлся новый звук – тихий, на грани слышимости. Словно где-то

бесконечно далеко танцовщица в ярких юбках и браслетах отплясывала с бубном «Чяе шукарие».

Утренний владелец провалившейся машины ничего не заметил, он продолжал затравленно озираться и протирать потную шею.

А вот Вирел сразу почувствовал: что-то не так.

Он обеспокоенно оглядел комнату, посмотрел на падающие песчинки и, поймав встревоженный взгляд посетителя, невинно улыбнулся одними губами.

– Всё в порядке? – спросил посетитель.

– В полном! – Вирел постарался взять себя в руки – не хватало ещё, чтобы покупатель запаниковал! Тогда песчинки прекратят пересыпаться и перетекание времени остановится.

Но мелодия, встревожившая Вирела, никуда не делась. Наоборот, она плескалась, кружилась, текла... Она стала ярче, чётче. Настолько, что Вирел смог различить протяжное: «Авай, чяе шукарие, мандэтут тэ бут дикхав...».

Или ему только казалось, что он может различить.

Неожиданно для самого себя он начал постукивать по ноге, отбивая ритм. Его длинные нервные пальцы, казалось, двигались самопроизвольно – «Вот бы, девчонка-красотка, мне видеть тебя чаще...».

Вирел заметил, что отбивает такт цыганской песни, только когда перехватил взгляд клиента. Снова улыбнувшись ему одними губами, с силой сжал руку в кулак и встал.

Эх, как не вовремя зазвучала песня! Давно ждал её Вирел. Надеялся услышать и боялся, что услышит... Возможно, поэтому часы в лаборатории Вирела и молчали – чтобы тиканьем или перезвоном не заглушить мелодию, если она появится.

Песчинки перетекали к клиенту, а Вирел мысленно подсчитывал, сколько у него осталось времени. Мысленно искал самые важные слова, которые нужно успеть сказать

своей шувани – чье шукарие, когда она придёт. Если она придёт...

\*\*\*

Давно это было. Ещё до того, как Вирел начал перепродавать время. Ещё до того, как узнал, что это возможно.

Тогда механический город на воде не был заброшен, а сам Вирел был юн и полон мечтаний.

Он возвращался домой после того, как сдал последний экзамен. Он ступил на тротуарную ленту, и вдруг она замерла. Такого раньше никогда не было! В механическом городе всё работало как часы! Можно было по секундам рассчитать время, а тут вдруг раз – и тротуарная лента остановилась...

Впереди столпились люди и послышался шум. Вирел прошёл посмотреть.

На замершем тротуаре стояла девушка в цыганской одежде и громко ругалась с блюстителем порядка, который и остановил тротуарную ленту. Он заставлял её сойти с тротуара, а она кричала, что никто не может заставить её обуться, что это её жизненное право ходить босой!

Вирел глянул на её ноги и увидел, что она... действительно босая! Босая!

Босиком нельзя вставать на тротуарную ленту. Такой порядок.

Но цыганка не хотела никого слушать.

Весь механический город парализовало – остановка одной тротуарной ленты повлекла за собой сбой в работе всего города. В одних местах образовались людские пробки. В других – люди не успели прибыть и включиться в работу, а те, кто работал до них, едва вышло время, ушли и попали в затор... или, наоборот, остались на месте в ожидании смены, недоумевая, что происходит.

Вирел стоял в первом ряду и смотрел на молодую цыганку в яркой блузке и цветной пышной юбке, с шалью, повязанной на бёдрах, и с платком на распущенных воло-

сах – как только он там держался?! В ушах серьги, на шее бусы, в руке бубен, украшенный яркими ленточками.

Девушка говорила громко, с возмущением и, словно в подтверждение слов, время от времени встряхивала бубен или ударяла им о бедро.

Блюстителю порядка из последних сил пытался решить дело миром. В инструкции было написано: босиком на транспортную ленту вставать нельзя. Но цыганка не уступала.

В какой-то момент она повернулась к Вирелу и настойчиво спросила:

– Со мангэ тэ кира?

– Что? – растерялся Вирел.

– Ай! – цыганка махнула бубном. – Ту гаджо! – И добавила, ударив бубном о бедро: – Ты же не цыган! Я не знаю, как быть...

Вирел пожал плечами: мол, а мне какое дело?

– Бэнг! Тэ скарин ман дэвел! Чтоб тебя бог покарал! – крикнула Вирелу в сердцах цыганка.

– А меня-то за что? – совсем растерялся Вирел.

Но молодая цыганка уже отвернулась от него и принялась оглядываться в поисках того, кто помог бы ей в этой непростой ситуации.

А Вирел вдруг понял, что у неё обуви-то нету! Она бы, может, и обулась, да не во что!

И тогда он неожиданно для самого себя шагнул к цыганке и поднял её на руки.

Блюстителю порядка подозрительно посмотрел на Вирела, но в правилах пользования ленточными тротуарами не было написано, что нельзя держать босоногую девушку на руках.

Блюститель отошёл в сторону, нажал на кнопку, и лента снова поползла.

Молодая цыганка улыбнулась Вирелу, и он понял, что готов нести её, куда она захочет, хоть на край света!



Вирел перешагивал с ленты на ленту, цыганка показывала направление...

Он нёс её, пока наконец не прибыли к лаборатории.

Едва Вирел остановился у двери, та распахнулась и вышел, попыхивая трубкой, старый цыган.

– Ай, чаюри! – старый цыган покачал головой и зацокал.

Девушка тут же спрыгнула на порог и юркнула в дверь.

Вирел в который раз растерялся. Он нерешительно топтался на месте, не зная, что делать дальше. Он вдруг почувствовал себя настолько не в своей тарелке, что хоть плачь. А главное, он никак не мог решить: уходить или напроситься в гости? Хотелось ещё разок увидеть молодую цыганку.

Цыган усмехнулся и указал трубкой на дверь, недвусмысленно приглашая войти.

– Вы помогли моей дочери, – сказал он. – Будьте нашим гостем.

Вирел вошёл в лабораторию. Разве он знал тогда, что в этот момент жизнь его изменилась? Разве он мог предположить, что в этой лаборатории проведёт долгие годы, покупая и продавая время и ожидая, когда снова зазвучит та самая песня, которую после ужина пел старый цыган, а дочка его, всё такая же босая, танцевала «Авай, чяе шукарие, мандэтут тэ бут дикхав... Вот бы, девчонка-красотка, мне видеть тебя чаще...».

Бубен в её руках был то солнцем, всходящим над миром, то голосом грозы – громом, то дверью, в которую если постучать, она обязательно откроется.

Как открылась для Вирела дверь в тайное и неизведанное.

Приближение важной мысли Вирел ощутил, когда старый цыган показал ему древние песочные часы и поделился тайной – пока течёт песок в этих часах, время стано-

вится мягким, податливым. Его можно тянуть, наматывать или, наоборот, сжимать...

«А что если время законсервировать...», – подумал Вирел, но песня бубна, перебивающая тиканье часов, отвлекла.

Мысль ускользнула, а старый цыган уже показывал новенькую клепсидру. И рассказывал, что время растягивается, но до определённых пределов. Рвать его нельзя. Оно должно течь непрерывно, как вода. И чем больше перетекает в нижний сосуд, тем меньше остаётся в верхнем.

Вирел смотрел сквозь клепсидру на танцующую цыганку и думал о том, что никогда в жизни не был так близок к своей мечте.

– Время, – говорил старый цыган, – оно везде. И его всегда не хватает. Время – это самое дорогое, что у нас есть! Но люди не ценят своего богатства, особенно молодые. Я создал эту лабораторию и потерял годы.

Вирел слушал, как перезвон часов заглушает песню бубна, и думал о том, что уж он-то распорядится своим временем правильно!

– Я не хочу, – говорил старый цыган, – такой судьбы для своей дочери. Она всё, что у меня осталось. Я хочу, чтобы она не тратила своё время попусту, чтобы жила полной жизнью. Я хочу, чтобы она не сожалела о потерянном времени.

Вирел поглаживал изгиб песочных часов.

– Мне трудно оставить лабораторию, – говорил старый цыган. – Дочка пошла искать кого-то, кто присмотрит за моими часами, и нашла тебя. Я уже старый и разбираюсь в людях. И я знаю, что ты потеряешь, если останешься здесь, поэтому не могу настаивать... Если хочешь, можешь уйти с нами. Или просто уйти... Ты достоин жить полной жизнью.

Вирел усмехнулся. Люди сначала тянут время, а потом мечтают вернуть. Но только не он!

Утром цыгане ушли. Старый цыган звал Вирела с собой. Но тот принял решение. У него в руках оказалась тайна тайн, уникальная возможность управлять временем, на самом деле управлять! При чём тут молодая шувани?..

Вирел вызвался приглядеть за лабораторией. Надо ли говорить о том, что он сразу же изготовил приладу, позволяющую у одного человека время забрать и другому – отдать. И опробовал её на соседском пацане, который проиграл целый день на улице и не выполнил задания отца. И пацан, и Вирел радовались, когда два часа из жизни неслуха вернулись и он поспешил домой выполнять отцовский наказ, чтобы избежать взбучки.

Откуда взялись эти два часа, Вирел не знал. А в механическом городе появилась первая ржавая шестерёнка.

Много, очень много песчинок перетекло из одной колбы старинных часов в другую, пока Вирел догадался сопоставить разрушающийся город и взятое неизвестно откуда или выброшенное неизвестно куда время.

Город ветшал. И только лаборатории не коснулись изменения. Она оставалась такой же, какой была в тот день, когда старый цыган открыл Вирелу дверь. Лишь росла коллекция старинных часов. Молчаливых часов. Потому что других тут быть не могло. Чтобы никакие часы не заглушили «Чяе шукарие», звучавшую в тот вечер.

Когда Вирел остался один в уже заброшенном механическом городе, он вспомнил слова старого цыгана и понял свою ошибку. Но жизнь его устоялась, и что-то менять в ней ему не хотелось. Да и как это изменишь? Слишком много дней нужно вернуть – целую жизнь...

Он всё так же раздавал визитки, только теперь для этого ему приходилось ездить на материк. Но время – хороший товар. За время всегда хорошо платили. И за то, которое нужно убить, и за то, которого смертельно не хватало.

И вот теперь Вирел прислушивался к знакомой песне. Погрузившись в воспоминания, он забыл о клиенте и о приладе. Он забыл о времени.

«Авай, чяе шукарие, мандэтут тэ бут дикхав...».

«Вот бы, девчонка-красотка, мне видеть тебя чаще...».

Вирел вспомнил старика-цыгана, его слова и свой выбор.

Тогда, много лет назад, он выбрал время. Но всю жизнь заглушал голос часов, чтобы не слышать его ход.

Тогда, много лет назад, он отказался от шувани. Но всю жизнь ждал её песню.

Он не допустил в свою жизнь жизнь. Он лишил часы голоса, чтобы не пропустить её песню.

И ревнивое время не простило ему этого.

Едва за клиентом закрылась дверь, песня стихла.

Вирел погрузился в мёртвую тишину. Течение песчинок в часах, которые никогда не останавливались, тоже иссякло.

Потому что истинная мера времени – это песня. И цыгане знают об этом. Потому и поют...

Невысокий мужчина с пузцом и постоянно потеющей шеей вернулся как раз к тому моменту, когда под колёсами его автомобиля образовался провал. Он вернулся, чтобы увидеть собственными глазами, как его машина, его «ласточка» проваливается под землю.

Он увидел всё!

Асфальт пошёл трещинами и просел сначала под передними колёсами. Машина чуть подалась вперёд и упёрлась бампером в образовавшийся край асфальта.

Потом просело заднее левое колесо, и острый выступ асфальта со скрежетом начертил на водительской двери глубокую царапину.

А потом асфальт под машиной рухнул в бездну, и «ласточка», потеряв опору, задирая багажник, полетела вниз.

Стук от удара донёлся через бесконечно долгие несколько секунд.

И тогда, теперь уже безмашинный, водитель развернулся и, сжав кулаки, побежал к мосту, соединяющему город с бывшим механическим городом на воде. И не видел, как мир вокруг погружался в небытие.